

*А. Г. Ларин, А. В. Лукин**

Жизнь Цзян Цзинго в СССР и становление его мировоззрения**

Аннотация. В статье на основе новых архивных данных и литературы рассматривается влияние жизни китайского и тайваньского политического деятеля Цзян Цзинго в СССР на становление его мировоззрения и его возможное воздействие на дальнейшую государственную деятельность. Исследуются сложные перипетии взаимодействия элементов традиционных китайских учений, различных течений коммунистической идеологии и доктрин Гоминьдана в процессе формирования взглядов будущего лидера Тайваня. Делаются предварительные выводы о возможном воздействии таких элементов пережитого Цзян Цзинго в СССР, как партийно-хозяйственное строительство, внутривнутрипартийная борьба, преследования политических противников и репрессии, на практику его дальнейшей работы в Китае, а после ухода сил Гоминьдана с материка – и на Тайване.

Ключевые слова: Цзян Цзинго, Китай, СССР, КПК, Гоминьдан

*Alexander G. Larin, Alexander V. Lukin****

Chiang Ching-kuo's Life in the USSR and the Formation of His Worldview

Abstract. The article studies the impact of the experience of life in the USSR on the world-view and political activities of the Chinese and Taiwanese

* *Ларин Александр Георгиевич*, канд. филол. наук, независимый исследователь (Москва), aleklar@yandex.ru

Лукин Александр Владимирович, д-р ист. наук, заведующий Международной лабораторией исследований мирового порядка и нового регионализма Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», и. о. научного руководителя Института Китая и современной Азии РАН (Москва), avlukin@hse.ru

** Исследование в части А. В. Лукина выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КАОН в рамках научного проекта № 21-514-93002.

*** *Larin Alexander Georgievich*, Ph. D. (Philology), Independent Researcher (Moscow), aleklar@yandex.ru

Lukin Alexander Vladimirovich, Dr. Hab. (History), Head of International Laboratory on World Order Studies and the New Regionalism, HSE University (Moscow), Acting Scientific Director of Institute of China and Contemporary Asia RAS (Moscow), avlukin@hse.ru

© Ларин А. Г., Лукин А. В., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

political leader Chiang Chin-kuo. Basing of both archival materials and the existing literature the authors analyse the mechanism of complicated interaction of the traditional Chinese teachings, various trends of Communist ideology and the Kuomintang doctrine in the development of the ideas of the future Taiwan leader. They arrive at some preliminary conclusions about the possible influence of these elements of Chiang Chin-kuo's experience in the Soviet Union, including his work as a Communist representative in several industries, the political struggle, and repressions on his future work, first in Mainland China, and later in Taiwan.

Keywords: Chiang Chin-kuo, China, USSR, CCP, the Kuomintang

Будущий тайваньский лидер Цзян Цзинго (蔣經國, 1910–1988) приехал на учёбу в СССР в 1925 г. в возрасте 15-ти лет и оставался там до 1937 г. Его жизнь и идейное развитие в этот период не могли не повлиять на его дальнейшую жизнь, и, следовательно, на судьбы Китайской Республики на Тайване. При этом они теснейшим образом связаны с событиями как в СССР, так и в его родном Китае. Сами обстоятельства его жизни в СССР исследованы неплохо, однако вопросу связи между его идейной эволюцией и политико-идеологической борьбой в двух странах до сих пор уделялось недостаточно внимания. Данная статья частично заполняет этот пробел и намечает возможные пути дальнейших исследований в этом направлении.

В марте 1925 г. в Пекине умер основатель и лидер китайской партии Гоминьдан (*Чжунго гоминь-дан* 中國國民黨, буквально: Партия китайской нации) Сунь Ятсен (Сунь Чжуншань 孫中山, 1866–1925), вооружённые формирования которой вместе с союзными милитаристами к тому времени контролировали лишь южную провинцию Гуандун и часть соседней Гуанси. В своём политическом завещании, продиктованном на смертном одре, Сунь Ятсен выразил надежду на поддержку коммунистической Москвы и на приближение дня, «когда Советский Союз будет приветствовать свободный и сильный Китай как своего друга и союзника и оба государства пойдут рука об руку как союзники в великой борьбе за освобождение угнетённых всего мира» [Шэн 2009, с. 26].

Сунь Ятсен не был ни марксистом, ни тем более коммунистом. Как все китайские революционеры, он стремился объединить

Китай и возродить его влияние в мире, утраченное в XIX в., как он считал, из-за империалистической политики ведущих мировых держав и антинародного курса маньчжурских правителей империи Цин. Сотрудничество с другими странами и их помощь он рассматривал как инструмент достижения этой цели. Он пытался обращаться и к другим державам, но там достаточного отклика не нашёл: единый и мощный Китай никому не был нужен. Кроме Москвы, где он нашёл понимание, так как, согласно большевистской теории, угнетённые народы колоний и полуколоний, к которым относился Китай, борющиеся с империализмом за национальную независимость и объединение, были естественными союзниками социалистического СССР в его борьбе с капиталистическими державами и за приближение мировой коммунистической революции [Лукин 2007, с. 162–168]. С 1923 г. советские большевики и контролировавшийся ими Коммунистический интернационал (Коминтерн), в который входили пробольшевистские партии разных стран мира, оказывали Гоминьдану существенную помощь, выражавшуюся в направлении военных и гражданских советников, помощи в обучении кадров, финансовой и военной помощи [Юркевич 2013, с. 225–250]. Одной из частей этой помощи стало открытие в 1925 г. в Москве Университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (УТК) для подготовки кадров Гоминьдана. По соглашению с Сунь Ятсеном членов созданной в 1921 г. Коммунистической партии Китая (КПК) обязали вступить в Гоминьдан на индивидуальной основе. Это соглашение коммунисты называли созданием «Единого фронта», а в Гоминьдане – «допуском» членов КПК в Гоминьдан (*жун дан* 容黨). В 1928 г. после разрыва Единого фронта китайский сектор созданного ещё в 1921 г. только для коммунистов Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) был объединён с УТК в Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК), который Цзян уже и заканчивал.

Решение о создании университета было принято в Москве уже менее чем через месяц после смерти лидера Гоминьдана [ВКП(б), Коминтерн... 1994, с. 539]. На фоне разворачивавшейся национально-освободительной борьбы в Китае оно имело целью не только расширить масштабы подготовки китайских кадров,

уже имевшей место в работавшем с 1921 г. Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). «Цель Университета Сунь Ятсена, – отмечал главный политический советник ЦИК Гоминьдана и представитель ИККИ в Китае М. М. Бородин (1884–1951), – помочь всем студентам понять идеологию господина Сунь Ятсена для того, чтобы продолжить его работу и завершить китайскую национальную революцию» [Спичак 2012, с. 77]. Усадив рядом за парты членов КПК и Гоминьдана, дав им одних и тех же советских профессоров, Москва хотела способствовать углублению сотрудничества этих двух революционных партий в соответствии с принятой коммунистами в 1924 г. стратегией «единого фронта». Из обеих партий в Китае было отобрано по конкурсу 340 человек, ещё 30 как родственников вождей добавили без экзаменов и среди них Цзян Цзинго – сына командира 1-го корпуса руководимой Гоминьданом Национальной революционной армии (НРА) Чан Кайши (Цзян Цзешу 蔣介石, 1887–1975) [Спичак 2012, с. 80].

Согласно биографам Цзян Цзинго, он сам выступил с инициативой поехать в СССР. Точно его мотивы неизвестны, но, скорее всего, пятнадцатилетний подросток, как и все в его окружении, был заражён революционными идеями. Отец колебался, но решил его поддержать [Taylor 2000, pp. 25–26]. Понять, почему один из руководителей Гоминьдана направил в Москву своего единственного в то время сына, невозможно без рассмотрения ситуации, в которой он в то время находился. Чан Кайши заручился доверием Сунь Ятсена в 1922 г., когда гуандунский милитарист генерал Чэнь Цзюньмин (陳炯明, 1878–1933) поднял мятеж в Гуанчжоу и Сунь вместе с Чаном вынуждены были укрыться на канонерской лодке «Юнфэн» 永豐. В следующем году Чан Кайши был назначен членом военного совета Гоминьдана, и Сунь Ятсен направил его на несколько месяцев в СССР для обучения и ведения переговоров о помощи. После возвращения Чан Кайши в Гуанчжоу на острове Вампу (Хуанпу 黃埔) на советские деньги была создана одноимённая военная академия для подготовки кадров гоминьдановской Национальной революционной армии, и Чан стал её начальником.

Таким образом, на момент смерти Сунь Ятсена Чан Кайши был его доверенным лицом и одним из основных военных руко-

водителей Гоминдана. Он также был ключевой фигурой в организации советской помощи [Юркевич 2013, с. 61–79]. В то же время он не только ещё не был лидером Гоминьдана, но до 1926 г. даже не входил в его руководящий орган – Центральный исполнительный комитет (ЦИК). Амбициозный Чан Кайши уже в то время начал проводить курс на получение власти в Гоминьдане, опираясь на армию, над которой надо было установить личный контроль, ограничивая влияние советских военных советников. Задача эта была противоречива: ему нужно было завоевать доверие Москвы, одновременно укрепляя собственную власть, на которую претендовали также активно продвигаемые Москвой китайские коммунисты, пытавшиеся установить контроль над Гоминьданом. Направить единственного сына на учёбу в Москву представлялось логичным шагом для достижения доверия Коминтерна без особых уступок ему внутри Китая [Галицкий 2002, с. 22]. К тому же сын этот был от первой жены, с которой Чан развёлся несколько лет назад, собираясь жениться на новой возлюбленной Сун Мэйлин (宋美齡, 1897–2003) – сестре жены Сунь Ятсена Сун Цинлин (宋慶齡, 1893–1981).

О том, что такой возможностью заручиться доверием Коминтерна пользовались и другие лидеры Гоминьдана, говорит то, что на учёбу в УТК были отправлены также дети и родственники будущего члена ЦИК Шао Лицзы (邵力子, 1882–1967), будущего президента КР Ли Цзунжэня (李宗仁, 1891–1969), дипломата Чэнь Южэня (陳友仁, 1878–1944), генералов Чжан Факуя (張發奎, 1896–1980), Дэн Яньда (鄧演達, 1895–1931), Гу Чжэнлуня (谷正伦, 1889–1953), Фэн Юйсяна (馮玉祥, 1882–1948) и других.

Естественно, в СССР китайских революционеров обучали в основном премудростям советского марксизма. Организация учёбы с целью подготовки профессиональных революционеров была делом новым и далеко не лёгким. Борцы за новый Китай в большинстве своём обладали лишь поверхностными теоретическими знаниями, у многих даже общеобразовательный уровень был низким. С другой стороны, не хватало марксистской литературы на китайском языке, не было приспособленных к китайской специфике учебных программ, не хватало разработок по совре-

менной восточной проблематике, которые можно было бы положить в основу лекционных курсов. Поэтому преподавателям пришлось уже в ходе учебного процесса составлять учебные пособия, переводить на китайский язык массу учебных материалов, труды классиков марксизма, выступления руководителей ВКП(б) и т. п. В переводческой работе активно участвовали и сами студенты – те, кто имел достаточную для этого подготовку.

Для занятий с китайскими студентами привлекались лучшие преподавательские кадры Москвы, известные советские китаеведы (подробнее см. [Панцов 2001, с. 240–241]). Рядом с ними работали и китайские революционеры, в большинстве – вчерашние студенты того же УТК. Параллельно с преподаванием была развёрнута интенсивная научно-исследовательская работа с целью совершенствования лекционных материалов. Сознвая значимость того контингента иностранных борцов за революцию, который воспитывался в Москве, в стенах названных выше университетов нередко выступали руководящие работники Исполкома Коминтерна и ЦК ВКП(б), в том числе И. В. Сталин (1878–1953), Л. Д. Троцкий (1879–1940), Н. И. Бухарин (1888–1938), Н. К. Крупская (1869–1939), представители КПК в ИККИ, приезжавшие в Москву видные деятели КПК и Гоминьдана [Спичак 2012, с. 94–95].

Учебные планы в УТК им. Сунь Ятсена, как и в Коммунистическом университете трудящихся Востока, строились таким образом, чтобы дать китайским студентам основательный теоретический багаж для предстоящей революционной работы. Так, на первом курсе изучались русский язык, история развития общественных формаций, история китайского революционного движения, история революционных движений на Западе и Востоке, история ВКП(б), экономическая география, политическая экономия, партийное строительство, военное дело и некая дисциплина, именуемая «Газета» (подробнее см. [Панцов 2001, с. 241]).

Не подлежит сомнению, что Цзян, приехав в СССР в пятнадцатилетнем возрасте, не имея устойчивых взглядов, но желая, как и все тогда, «возродить» Китай, попал под влияние советского марксизма. На приезжавших в СССР революционно настроенных китайцев эта страна должна была производить глубокое впечатле-

ние: огромная страна, недавно освободившись от гнёта империализма благодаря (как утверждалось) приходу к власти трудящихся, она не только активно развивалась (нэп был в полном разгаре), но и помогала другим угнетённым странам сделать то же самое. К тому же Цзян сразу начал общаться с коммунистической элитой, которая ещё была полна энтузиазма. Поначалу он жил у старшей сестры самого недавно умершего лидера русской революции В. И. Ленина Анны Ильиничны Елизаровой-Ульяновой (1864–1935), у которой и позаимствовал свою русскую фамилию Елизаров. Имя и отчество Николай Владимирович он взял у самого вождя мирового пролетариата Ленина (Николай был одним из его псевдонимов). Это было необходимо, так как в УТК было принято брать русские имена.

Жизнь студентов в материальном отношении была крайне скромной, но Цзян Цзинго (Елизаров) довольствовался тем, что имел, тем более что видел, как трудно живут люди вокруг. Он много занимался, усердно изучал русский язык и постепенно хорошо овладел им. Он увлекался политикой и много занимался общественной работой, постоянно выступал на собраниях, писал статьи и стал членом редколлегии университетской стенгазеты «Хун цян» 紅牆 («Красная стена»), делал доклады о положении в Китае перед массовыми аудиториями за пределами университетских стен.

В политическом плане жизнь китайского студенчества была наполнена конфликтами. На неё оказывали сильное влияние сложный ход революции в Китае, перипетии взаимоотношений между Гоминьданом, Компартией Китая и ВКП(б), а также фракционная борьба внутри этих партий, в первую очередь борьба между сторонниками Сталина и Троцкого, которая по мере её углубления захватила и китайских студентов. Оно и неудивительно: речь шла о жизненно важных проблемах, о разных взглядах на мировую революцию и на революцию в Китае, о выборе правильной стратегии для революционных сил.

Елизаров-Цзян Цзинго быстро нашёл своё место в этой мозаике. Уже в декабре 1925 г., т. е. всего через несколько недель после приезда в Москву, он подал заявление в ячейку китайского комсомола при университете, был принят в эту организацию и скоро

стал одним из её наиболее активных членов. Напомним, что по пути в Москву во время остановки в Шанхае Цзян Цзинго вступил в Гоминьдан; двойная партийность в определённых формах допускалась правилами существовавшей в тот период коалиции Гоминьдана и КПК... Что же касается выбора между сталинизмом и троцкизмом, то Елизаров стал на сторону троцкистов, при том что их было явное меньшинство (примерно 30 человек, т. е. 10% в августе 1927 г. [Панцов 2001, с. 254]).

Чтобы яснее понять причины выбора, сделанного Елизаровым, и его последующее поведение, мы должны рассмотреть развитие событий в Китае и реакцию на них Москвы. Ещё в 1923 г. во время переговоров в СССР Чан Кайши представил план объединения Китая военным путём, разработанный Сунь Ятсеном. СССР предлагалось организовать прогоминьдановскую армию на территории Внешней Монголии, которая ударила бы в южном направлении, а на соединение с нею пошла бы гоминьдановская армия из Гуандуна. Москва согласилась предоставить военную помощь, но план наступления с Севера не приняла, опасаясь международных осложнений. По той же причине советские военные советники не рекомендовали и решительное наступление с юга, предлагая в ближайшее время сконцентрироваться на укреплении позиций и подготовке армии [Юркевич 2013, с. 72–74]. Чан Кайши же стремился как можно быстрее идти на север, разумно полагая, что кроме возможности осуществления мечты всех китайских революционеров по объединению страны, крупная военная операция под его руководством будет способствовать укреплению его позиций в партии и государстве.

Идею скорейшего начала Северного похода Чан Кайши отставив на прошедшем в январе 1926 г. Втором съезде Гоминьдана, где он был избран членом ЦИК, а затем – членом его постоянного комитета, то есть вошёл в высшее руководство партии. В то же время социальную программу съезда определяли коммунисты и находившиеся в союзе с ними левые гоминьдановцы. Во второй половине марта он предпринял первую попытку отодвинуть коммунистов от власти: несколько сотен членов КПК были обвинены в организации военного переворота и арестованы.

Ситуация для Москвы была неприятная, но рвать отношения с Чан Кайши из-за неё не стали, так как это подорвало бы весь курс Москвы на создание единого фронта, в рамках которого коммунисты должны были захватить власть внутри Гоминьдана, а не бороться с ним открыто. Для достижения этой цели им рекомендовалось действовать в союзе с левыми гоминьдановцами, а Чан Кайши всё ещё считался ближе к левым [Панцов 2001, с. 136–138]. Такова была позиция правившего тогда блока Сталина–Бухарина. Однако китайский вопрос был поднят на щит «левой оппозицией», сторонники которой, прежде всего Л. Д. Троцкий, сделали его одним из пунктов критики сталинского руководства. Троцкий утверждал, что курс на единый фронт КПК и Гоминьдана был неверен с самого начала и что китайские коммунисты должны были проводить собственную линию, не боясь спровоцировать реакцию империалистических держав, с тем чтобы помочь рабочим развитых стран совершить коммунистическую революцию [Панцов 2001, с. 150].

В результате доминирующей позиции сталинского большинства в советском Политбюро в этот раз отношения с Чан Кайши не были разорваны. Между тем летом 1926 г. Чан Кайши стал формальным лидером Гоминьдана. В июле он занял должности председателя Постоянного комитета ЦИК и главнокомандующего НРА, соединив власть военную и партийную. За несколько месяцев он стабилизировал обстановку на юго-востоке страны и начал Северный поход. Советские специалисты не только не возражали, но и оказывали всемерное содействие. СССР также помог восстановить боеспособность союзной Чан Кайши Национальной армии Фэн Юйсяна, который осенью 1926 г. вступил в союз с НРА и поддержал её действия. В СССР поход изображался как национально-демократическая революция. В газетах описывали успешные бои с проимпериалистическими милитаристами, на предприятиях проходили митинги в поддержку НРА.

Поначалу в поддержке левой оппозиции не было ничего криминального. Левые в то время были всё более теснимым, но ещё не гонимым меньшинством в большевистской партии. Хотя сторонники оппозиции в целом были в меньшинстве, среди партий-

ных интеллигентов и молодёжи их было довольно много. Её лидерами были известные и авторитетные члены партии, в том числе – из высшего партийного руководства. Г. Е. Зиновьев (1883–1936) был членом Политбюро ЦК ВКП(б) до июля, а Председателем Исполкома Коминтерна – до октября 1926 г., Л. Д. Троцкий и Л. Б. Каменев (1883–1936) оставались членами Политбюро до октября 1926 г. Троцкий сохранял пост члена Исполкома Коминтерна до сентября 1927 г. Ещё в марте 1926 г. ему было поручено возглавить комиссию Политбюро для выработки рекомендаций по политике СССР на Дальнем Востоке (в основном в отношении Китая и Японии) [Панцов 2001, с. 158]. Из ЦК все трое были исключены только в конце октября 1927 г. Ректором УТК до начала апреля 1927 г. был К. Б. Радек (1885–1939) – видный партийный деятель и сторонник Троцкого.

Ректор Карл Радек, ранее член ЦК РКП(б) и секретарь Коминтерна, читал в университете курс истории революционного движения в Китае и часто обсуждал ход событий в Китае со своими студентами, особенно с Елизаровым. Согласно многим свидетельствам, он пользовался исключительным уважением и любовью большинства студентов [Панцов 2001, с. 361, сн. 70]. Как отмечал сам Цзян Цзинго, его влияние сыграло заметную роль в том, чтобы отдать предпочтение троцкизму [Цзян 1991, с. 69–70]. Другие преподаватели – сторонники троцкизма также не уклонялись от острых вопросов студентов, давали им читать оппозиционную литературу, тогда как в глазах преподавателей-сталинистов такие вопросы сами по себе уже были крамолой.

Молодые троцкисты не ставили своей целью создать собственную организацию. Они вели идеологическую и пропагандистскую работу, освещая в первую очередь китайскую проблематику, но не отказываясь и от внутрисоюзных и международных тем. Они обращались и к ЦК КПК, куда они пересылали переведённую с русского оппозиционную литературу, и к студенческой аудитории, интенсивно занимаясь индивидуальной устной агитацией, выступая на собраниях и в стенной печати. Цзян Цзинго, например, «в одной из своих статей (она носила характерное название: “Я никогда не говорил ‘да’!”) призывал студентов не бояться выска-

зывать оппозиционные настроения, активно бороться против сталинской линии. В другой статье (“Китайская национальная революция и Коммунистическая партия Китая”) он резко критиковал политику КПК, руководство которой, как он считал, шло на поводу у Москвы» [Панцов 2001, с. 256].

Столкновения политических позиций в УТК носили далеко не академический характер. Общественная жизнь университета с самого начала была наполнена сведением личных счётов, интригами, доносами. Собственно, она и не могла быть другой, поскольку воспроизводила атмосферу коммунистической страны, создавшей университет и управлявшей им. Примечательно, что студенты – а среди них были люди и молодые, и вполне зрелого возраста, прошедшие у себя на родине многолетнюю партийную закалку, – восприняли предложенный им в Москве стиль отношений как должное и легко усвоили его. Знакомство с архивными документами, отмечал российский историк-китаевед К. В. Шевелёв (1947–2003), «позволяет ставить вопрос не о том, кто повинен в фабрикации тех или иных дел, а о том, кто не виновен в этом. Их, к сожалению, меньшинство» [Шевелёв 2000].

Атмосфера в университете ещё более накалилась после того, как в конце 1926 г. Сталин и его последователи в руководстве компартии усилили наступление на сторонников Троцкого и начали втягивать в свою борьбу китайских студентов [Панцов 2001, с. 249]. К баталиям стали подключаться сталинисты-преподаватели, находившиеся в то время в Москве представители ЦК КПК, а также органы безопасности. Интересно, что Елизаров, насколько можно судить по архивным документам и воспоминаниям современников, никогда не опускался до участия в замешанных на политике интригах и склоках.

События весны 1927 г. в Китае резко усилили противостояние в УТК и отразились на позиции Цзян Цзинго и других китайских студентов. 21 марта 1927 г. подразделения НРА подошли к Шанхаю, союзные Гоминьдану коммунисты подняли там восстание рабочих, благодаря чему на следующий день город был взят. В СССР взятие Шанхая было воспринято как значительная победа революционных сил. Ведущий советский поэт-большевик В. В. Маяковский

(1893–1930) в специальном стихотворении писал, что лучшей поэзией в это время могут быть только слова «Товарищи! Рабочими и войсками Кантона взят Шанхай!» [Маяковский 1968, с. 60].

Через несколько дней был взят и расположенный неподалёку Нанкин, где Чан Кайши разместил своё правительство. Естественно, китайские студенты УТК, как коммунисты, так и гоминьдановцы, радовались этим событиям. Но тут случилось неожиданное. Используя ультиматум Англии, США, Японии, Франции и Италии, требовавших наказать виновных в гибели иностранцев при взятии Нанкина, Чан Кайши начал репрессии против коммунистов. 12 апреля начались аресты и казни, были распущены органы и организации, находившиеся под контролем коммунистов, в том числе городское правительство. Затем те же акции распространились на другие города, которые контролировали силы Чан Кайши.

На некоторое время эти действия раскололи Гоминьдан. В Ухане было создано альтернативное «левое» правительство во главе с Ван Цзинвэем (汪精衛, 1883–1944), на которое пыталась опереться Москва, но вскоре и оно пошло на соглашение с Чан Кайши.

Для Москвы эти события стали неожиданными. Разногласия с Чан Кайши далее скрывать было невозможно. «Прогрессивного», «левого» главнокомандующего и лидера национально-демократической революции пришлось резко переименовать в предателя и агента крупной буржуазии. Отношения с Гоминьданом, представитель которого только в январе 1927 г. был введён в Президиум Коминтерна с правом совещательного голоса, были разорваны [Панцов 2001, с. 146]. 21 апреля в «Правде» появились тезисы для пропагандистов, в которых говорилось: «Переворот Чан Кайши знаменует собой отход национальной буржуазии от революции, рождение центра национальной контрреволюции и сделку правых гоминьдановцев с империализмом против китайской революции». Точки над «i» были, таким образом, поставлены.

В университете им. Сунь Ятсена между тем шла подготовка к Первомаю, и для демонстрантов был приготовлен большой портрет Чан Кайши. Теперь портрет убрали подальше, и начались митинги, участники которых гневно осуждали бывшего «крас-

ного генерала». ТАСС распространил заявление Елизарова – Цзян Цзинго, в котором тот по идейным соображениям отрёкся от отца. Однокашник Николая пишет: «После этого заявления, куда бы мы ни пошли, нам встречались люди, которые с большим интересом спрашивали нас: “Где сын Чан Кайши?” За один день он стал известной и даже знаменитой фигурой» [Шэн 2009, с. 139].

Нет смысла гадать, был ли неординарный поступок Елизарова обусловлен высокими идейными соображениями или же то был вынужденный шаг, совершённый под диктовку работодавших в Коминтерне китайских коммунистов. Заметим только, что он был совершён семнадцатилетним юношей, неожиданно попавшим в экстремальные условия и совершенно выбитым из колеи. Как и некоторые другие китайские комсомольцы, он «особенно остро переживал трагедию коммунистического движения в Китае» [Панцов 2001, с. 252]. Заметим также, что в СССР вскоре стало обычной практикой принуждать жену и детей человека, который был репрессирован как контрреволюционер, отказываться от родственных связей с ним.

В своих мемуарах он пишет, что, окончив в апреле 1927 г. университет, он вместе с группой своих товарищей стал добиваться возвращения на родину, однако представители КПК в Москве воспрепятствовали этому, посчитав, что его возвращение будет равнозначно усилению позиций Чан Кайши, и порекомендовали ему продолжать учёбу в Советском Союзе.

Елизаров был не единственным из детей высокопоставленных родителей, кого не хотели отпускать в Китай: задержать в СССР отпрысков китайской элиты было выгодно с политической точки зрения. Вот часть письма ректора университета им. Сунь Ятсена П. А. Мифа (1901–1939) и секретаря университетского парткома в адрес оргбюро ЦК ВКП(б), написанного в январе 1928 г.:

В связи с проводимым Университетом составлением партийных и учебных характеристик нами выявлен целый ряд студентов, пребывание которых в Университете как с партийно-политической, так и с учебной точек зрения является абсолютно нецелесообразным. В числе этих намеченных к исключению студентов находятся: Фэн Ци-го (Соби-

нов), Фэн Фу-нэн (Нежданова) – дети генерала Фына и Чжао Сянь-дин – Мотылькова – дочь генерала Чжао Шу-и, комкора, одного из сподвижников Фэна.

Собинов – комсомолец, вступил в Москве, партийно-политическими вопросами не интересуется, партийно не выдержан (сторонник оппозиции), недисциплинирован, связан с Гоминьданом и китайским консульством. Нежданова и Мотылькова в политическом отношении ничего из себя не представляют, очень молоды. Мотылькова – жена студента Лю Хуэй (Уншлихта), арестованного оперотделом ОГПУ... Всем троим дана характеристика по учебной линии как балласта. Принимая во внимание всё изложенное и учитывая общеполитические условия, считаем необходимым в отношении всех троих принять меры к тому, чтобы задерживать их в СССР в качестве заложников [РГАСПИ, ф. 530, оп. 1, д. 34, с. 6].

Между тем с Фэн Фунэн у Цзяна был роман. В некоторых внутренних документах её называли его женой. Однако отношения их не сложились, причём, как впоследствии писал сам Цзян, по политическим причинам. На партийном собрании 8 марта 1930 г. он говорил: «Связь с дочерью Фына: она получает задание от своего отца и хочет политически обработать меня. Я тогда хотел её политически обработать. От этого, конечно, ничего не вышло. По советам комсомольской организации я порвал с ней связь» [Галицкий 2002, с. 28]. Конечно, такое описание романтических отношений было в стиле времени, однако явно имевшее место вмешательство в личную жизнь вряд ли могло добавить Цзяну позитивных впечатлений об СССР.

Вскоре, однако, детям Фэн Юйсяна было позволено вернуться на родину – в отличие от младшего Чана, получившего при окончании университета такую характеристику: «...а) выдержанность: в вопросах русской и китайской революции – активный сторонник оппозиции; б) дисциплинирован; в) в текущей партийной жизни разбирается поверхностно; г) тактическую партийную линию проводить не может... Примечание: очень способный товарищ, из которого может вырасти хороший партийный работник, но ещё совершенно не оформившийся, нуждающийся в низовой

и трудной работе под крепким руководством» [РГАСПИ, ф. 550, оп. 1, д. 2, с. 267].

Жизнь Цзян Цзинго разом переменялась. Переписка с родными прервалась, и он оказался отрезанным от Китая, если не считать приходивших с опозданием китайских газет и журналов. Из баловня судьбы он объективно превратился в заложника, на судьбе которого скрестились интересы различных политических сил, отнюдь не всегда благоприятные для него самого.

С этого момента образ Елизарова-Цзян Цзинго как бы раздваивается. По одним документам, это – не знающий сомнений борец за коммунизм, солдат великой армии мировой революции, хладнокровно жертвующий родственными связями ради великих идеалов и счастливый своей судьбой. По другим он – жертва, карта, которую разыгрывают между собой влиятельные политические силы. В этом качестве он подвергается постоянному давлению, испытывает самые неожиданные превратности судьбы.

Из документов первого рода наиболее характерны анкета и автобиография, составленные Елизаровым при вступлении в ВКП(б) в 1936 г. Автобиография цитируется ниже. Из материалов второго рода самые интересные – его мемуары «Мои дни в Советской России», черновой вариант которых составил часть большого отчёта, написанного в 1937 г. сразу после возвращения Цзян Цзинго в Китай. Впервые «Мои дни» были опубликованы на английском языке в 1989 г. в качестве приложения к книге Р. Клайна¹ о Цзян Цзинго [Cline 1989] (см. [Юй 1998])².

С нашей точки зрения, вторая версия значительно ближе к истине, однако, думается, в жизни Елизарова можно найти элементы обеих гипотез, а на самом деле она была богаче и сложнее, чем любая из них³. Об искренности Цзян Цзинго в осуждении отца, о том, что это не было просто актом конформизма, свидетельствует тот факт, что он не продемонстрировал конформизма

¹ Р. Клайн в 1958–1963 гг. возглавлял отделение ЦРУ в Тайбэе и тесно общался с Цзян Цзинго, который и предоставил ему свои записи для публикации.

² Мы пользовались тайваньским изданием этой книги: [Цзян 1991].

³ Это подтверждается и архивными розысками тайваньских исследователей (см. [Юй 1998]).

в другом вопросе: он не перешёл на позиции сталинского большинства, но, наоборот, ещё более укрепился в своём троцкизме. Тайваньская исследовательница УТК Юй Миньлин считает возможным, что Цзян Цзинго, попав в России в «атмосферу нарастающей левизны, присоединился к мнению, что его отец “предал” революцию, и решил пока не возвращаться» [Юй 1998, с. 117].

«Предательство» Гоминьдана многими китайскими студентами было воспринято как провал всей китайской политики сталинского руководства. Те, кто сохранил верность Гоминьдану, были отправлены на Родину как «правые». Но среди «левых», сочувствовавших коммунистам, популярность получила критика китайской политики Москвы «левой оппозицией». Именно в это время многие из них стали троцкистами.

Этот идейный поворот хорошо описал один из «левых» студентов и одновременно представитель Гоминьдана в ИККИ Шэн Юэ (盛岳, 1907–2007): «Как я подозреваю, после всех этих событий немногие из студентов УТК им. Сунь Ятсена сохранили ощущение, что для мудрого проведения революционного курса в Китае надо непременно полагаться на Коминтерн или советских руководителей. Высокий авторитет, которым пользовались среди нас Сталин и Бухарин, был сильно поколеблен. Такое состояние дел, конечно, было благоприятным для студентов и преподавателей, которые симпатизировали Троцкому. Они могли представлять позиции Троцкого в ходе критики Сталина и Коминтерна, и спорить с ними отваживалась лишь горстка лояльных сторонников Коминтерна. Именно этот момент стал первым толчком к появлению в УТК троцкизма, и среди тех, кто продвигал в то время дело Троцкого, был Цзян Цзинго» [Шэн 2009, с. 148].

Симпатии китайских студентов к платформе «левой оппозиции» по китайскому вопросу также понятны. Левые выступали за более активную, даже бескомпромиссную помощь китайской революции без оглядки на ситуацию в СССР. Левые и сталинисты не расходились в том, что «национально-демократическое» движение в колониях и полуколониях является естественным союзником социалистического СССР в борьбе с западным империализмом. Однако Троцкий и его сторонники подчёркивали междуна-

родное значение этих движений, которым необходимо оказывать содействие для скорейшего успеха мировой революции. «Нужно уметь сочетать восстание индусских крестьян, стачку носильщиков в портах Китая, политическую пропаганду буржуазных демократов Гоминьдана, борьбу корейцев за независимость, буржуазно-демократическое возрождение Турции, хозяйственную и культурно-воспитательную работу в Советских республиках Закавказья, нужно уметь всё это идейно и практически связать с работой и борьбой Коммунистического Интернационала в Европе», – говорил он в апреле 1924 г. [Троцкий 1924, с. 35].

Сталин же делал упор на приоритет интересов СССР как базы мировой революции, ради которых можно иногда идти на некоторые уступки и компромиссы в отношении местной борьбы. В практической политике это выражалось в бескомпромиссной поддержке троцкистами быстрее перехода к самостоятельной деятельности местных компартий, их прихода к власти и решения коммунистических задач: обобществления экономики, борьбы с местными капиталистами и некоммунистическими партиями и т. п. Сталинисты же выступали за более осторожный курс и активную поддержку местными коммунистами «национально-демократических» партий типа Гоминьдана, которые, будучи более сильными, могли принести больше пользы внешнеполитическим целям Москвы.

Сталин объяснял свою осторожность тем, что такие страны, как Китай, гораздо менее развиты, чем Россия, и коммунистические цели там ставить рано. Он исходил из того, что мировая революция отодвигается на длительный срок, в течение которого обязанность коммунистов всех стран – защищать СССР как базу мирового социализма. Являлась ли эта позиция просто стремлением оправдать свою власть или реалистичной стратегией выживания коммунизма в условиях неясности сроков мировой революции – тема для отдельного анализа. Но она, безусловно, гораздо больше авантюристического троцкизма привлекала социальную базу сталинского режима: новую коммунистическую бюрократию, которой мысль умереть за эфемерную мировую революцию нравилась гораздо меньше планов пользоваться своим привиле-

гированным положением и спокойно строить социализм в одной отдельно взятой стране. Что касается китайских и вообще иностранных революционеров, стремившихся победить прежде всего в своих странах, то их, столь же естественно, гораздо больше привлекал троцкизм, призывавший Москву оказывать им содействие несмотря ни на что.

В одном из документов оппозиционеров говорилось: «Китайскую революцию ЦК рассматривает только как способ нанесения максимального ущерба империалистам как врагам СССР. Это политика не Коминтерна, а НКВД» [Панцов 2001, с. 19]. Такая критика была близка китайским коммунистам, старейший лидер которых Ли Дачжао (李大釗, 1889–1927), например, с одобрением писал: «Можно понять, что Троцкий рассматривал русскую революцию как бикфордов шнур мировой революции. Русская революция всего лишь одна из революций в мире, неисчислимые народные революции ещё поднимутся друг за другом» [Ли 1989, с. 160].

Подобные дискуссии велись в Москве не только по китайскому вопросу. Ещё ранее СССР оказал значительную помощь кемалистской Турции и тем самым во многом способствовал её сохранению как независимого государства. Расчёт был на то, что Анкара займёт антизападную позицию, которую она на время и заняла. Однако укрепившись у власти, турецкий лидер Мустафа Кемаль Ататюрк (1881?–1938) в 1923 г. запретил местную компартию. Несмотря на это, Москва продолжила сотрудничество с Анкарой. Позднее Сталин по тем же геополитическим мотивам пошёл на соглашение с гитлеровской Германией, проводившей репрессии против коммунистов. Для левых это означало предательство местных коммунистов и мировой революции. Антикоммунистический «переворот» Чан Кайши привёл к радикализации как советских оппозиционеров, так и их китайских сторонников в УТК, так как позволил обвинить сталинское руководство в серьёзном провале и говорить о верности предупреждений лидеров левых [Панцов 2001, с. 193].

Для Цзян Цзинго это было время трудного поиска истины, углубления и подтверждения своих взглядов. Архивные документы свидетельствуют, что он со своими товарищами обращался

за разъяснениями к преподавателям-троцкистам, изучал полученную у них оппозиционную литературу [Панцов 2001, с. 252].

Цзян Цзинго активно выступал на оппозиционных собраниях, в университетской стенгазете, где критиковал Москву и КПК, которая, по его мнению, шла у неё на поводу, призывал не бояться выступать с оппозиционными мнениями. И, наконец, выступил публично. Об этом в воспоминаниях поделился участник оппозиции И. М. Павлов (Хорошев, 1904–1991): «В день 10-й годовщины Октябрьской революции, 7 ноября 1927 года, в 8 часов утра тысячи студентов заполнили двор старого здания Московского университета на Моховой улице. С крыльца университета зазвучали первые речи. С приветственной речью “от имени китайских трудящихся масс” выступил одетый в кожаную куртку комсомолец-студент китайского университета в Москве им. Сунь Ятсена, приёмный⁴ сын Чан Кайши – Елизаров. Восторженно встреченный слушателями, Елизаров на русском языке произнёс темпераментную и зажигательную оппозиционную речь. Толпа бушевала» [Павлов 2001, с. 88–89].

Демонстрация оппозиционеров 7 ноября напугала сталинское руководство и была использована им для разрешения прямых репрессий. До этого хотя сторонников оппозиции критиковали и всё активнее отстраняли от руководящих постов, исход внутрипартийной борьбы был ещё далеко не ясен, оппозиционные взгляды ещё не были запрещены, и, естественно, никто не мог предположить, что через десять лет за них будут расстреливать. К концу года оппозиционеров начали исключать из партии, а наиболее активных отправлять в ссылку или даже в тюрьмы.

Подход к китайским студентам тоже стал гораздо жёстче. Отношения между Москвой и гоминьдановским правительством резко ухудшились. Московская партиячейка Гоминьдана была распущена, студенты-члены ГМД стали покидать СССР. Советские власти отпускали их неохотно, затягивали отъезд, а после того как ЦИК ГМД в сентябре 1927 г. официально разорвал отношения с УТК, ОГПУ арестовало почти всех оставшихся гоминьдановцев,

⁴ Так в тексте.

в том числе тех, кто уже выехал из Москвы, но ещё не успел пересечь границу [Спичак 2012, с. 85–86]. Всего 239 из общего числа 562 покинули УТК [Запись беседы... 1987, с. 22–25], однако около 50 гоминьдановцев не выполнили приказ своего ЦИК: они продолжили обучение в университете, и многие из них выразили желание вступить в комсомол и компартию [Yu 1995, p. 79] (цит. по: [Спичак 2012, с. 85]). Это был результат усилий студентов-коммунистов, которые при поддержке советских товарищей по идеологии целенаправленно вели работу среди своих однокашников-гоминьдановцев, стараясь перетянуть их на свою сторону.

С другой стороны, как признавали сами руководители КПК, немало вернувшихся на родину выпускников УТК перешло на сторону Гоминьдана или занимали троцкистские позиции [РГАСПИ, ф. 530, оп. 1, д. 57, л. 34, 109] (цит. по: [Спичак 2012, с. 121]), и это также вряд ли способствовало смягчению отношения стоявших у власти сталинистов к желавшим репатриироваться, но задержанным в России китайским студентам. Короче говоря, было очевидно, что жизнь в условиях сталинской диктатуры загоняет Елизарова в тупик.

Однако, оставшись волею судьбы в чужой стране, Николай не потерял оптимизма и не собирался капитулировать. Питая с детства интерес к военной службе, он подал заявление в военную школу особого назначения, был принят туда курсантом, а окончив её, в августе 1927 г. [Галицкий 2002, с. 64]⁵ послан на учебу в Ленинград в Военно-политическую Академию им. Толмачёва. Эти и все последующие назначения производились по рекомендации или по крайней мере с согласия китайской секции Коминтерна.

Два с половиной года, проведённые Елизаровым в Академии им. Толмачёва, дали ему возможность серьёзно изучить не только разные отрасли военной науки (в том числе стратегию, которую преподавал маршал Тухачевский), но и политику, экономику, философию. Елизаров прекрасно учился, написал интересный доклад о тактике партизанской войны, публиковал статьи в научных журналах.

⁵ В тайваньской биохронике Цзян Цзинго приведена другая дата: 3 октября 1928 г. (см. [Запись событий жизни... 1992, с. 35]).

Много места в его жизни по-прежнему занимала общественная работа. Он был избран в комсомольское бюро Академии, а в 1929 г. стал кандидатом в члены ВКП(б). Годом раньше он объявил о своём разрыве с троцкистами. Как объясняет Елизаров в своих воспоминаниях, он предпринял эти шаги по совету друзей, чтобы укрепить своё положение в чужой стране, и этот совет нельзя не признать вполне разумным, хотя, по мнению кое-кого из его товарищей, он просто «испугался троцкистской нашей активной работы» [Панцов 2001, с. 265]. Как раз на время его учебы в Москве пришёлся пик и эпилог ожесточённой битвы Сталина и его приверженцев с «троцкистско-зиновьевским блоком» (1926–1927). Сталинисты одержали полную победу. Троцкий с группой ближайших сторонников был выслан в Алма-Ату (1928 г.), а на следующий год – за границу. Но острая борьба за власть в партии и стране продолжалась, сопровождаясь поголовными чистками в учреждениях и на предприятиях и массовыми репрессиями, причём ярлык троцкизма по-прежнему играл в ней роль самой страшной «чёрной метки». В таких обстоятельствах придерживаться троцкистских взглядов было равносильно самоубийству, и даже иметь небольшое пятно троцкизма в биографии было крайне опасно. До антикоммунистического переворота Чан Кайши тесное сотрудничество Гоминьдана с компартиями Китая и России служило для Елизарова залогом его неприкосновенности, но после событий 12 апреля 1927 г. он, как мы уже говорили, превратился в бесправного заложника, политическая ценность которого признавалась не всеми, особенно после разрыва дипломатических отношений между СССР и Китаем в 1929 г. в связи с известным конфликтом на КВЖД. Кое-кто из коммунистов готов был принести младшего Цзяна в жертву личным карьерным амбициям, продемонстрировав на его примере свою бдительность в борьбе с врагами.

В декабре 1927 г. в этой обстановке и возникло так называемое «дело землячества Цзянсу–Чжэцзян»⁶, которое стоит вкратце пересказать здесь как яркий пример нравов, царивших в то время в школах Коминтерна. Дело было от начала до конца сфабрико-

⁶ Подробнее см. [Спичак 2012, с. 109–117].

вано преподавателем-переводчиком, членом парткома УТК Чэнь Шаоюем (陳紹禹, он же Ван Мин 王明, 1904–1974) и ректором университета сталинистом П. А. Мифом, обнаружившими «подпольную контрреволюционную организацию» студентов – выходцев из названных провинций. Затем к расследованию привлекли ОГПУ. Сначала подозреваемых было несколько человек, но вскоре следователь Б. Я. Менис собрал компромат уже на 22 студентов из разных вузов и сделал заключение: задача членов организации – «захват партийного руководства китайского студенчества, ориентируя его на поддержку оппортунистических вождей киткомпартии – Чэнь Дусю, поддерживать связь с правогоминьдановцами, захват влияния в военных школах. Преступная, антипартийная деятельность полностью устанавливается документными делами. Нужен арест и дознание» [РГАСПИ, ф. 530, оп. 4, д. 3, л. 20] (цит. по [Спичак 2012, с. 111]).

Цзян Цзинго был включён Чэнь Шаоюем в число руководителей «землячества», как только Чэнь начал плести свой заговор. В самом деле, Цзян был родом из провинции Чжэцзян; в начале пребывания в Москве он увлекался троцкизмом; мало того, они с приятелями имели обыкновение ссужать друг другу небольшие суммы денег на бытовые нужды и в шутку именовали себя «кассой взаимопомощи». Чэню и Мифу потребовалось добавить немного фантазии, чтобы превратить эту «кассу» в фонд, созданный «землячеством» в преступных контрреволюционных целях.

Затем эта история была доведена до сведения находившегося в то время в Москве представителя ЦК КПК, члена Президиума ИККИ Сян Чжунфа (向忠發, 1880–1931), а тот попытался привлечь к «делу» внимание вождей ВКП(б) Сталина и Бухарина, но из этих попыток ничего не вышло. Удачнее были попытки инициаторов «дела» обратиться в ИККИ и ОГПУ с требованием покончить с опасной крамолой. В результате четверо студентов были арестованы, некоторые были исключены из партии или комсомола, 34 курсанта были исключены из военных вузов [Спичак 2012, с. 113; Yu 1995]. В конце концов дело дошло до Политбюро ЦК ВКП(б) и Центральной контрольной комиссии. Партколлегия ЦКК на своём заседании 10 августа 1928 г. под председательством круп-

ного партийного деятеля Е. И. Ярославского (188–1943) «в присутствии нескольких десятков китайских и русских товарищей» вынесла постановление, которое полностью оправдывало членов «землячества Цзян–Чжэ» и объявляло «дело о кассе взаимопомощи землячества» «ликвидированным». Миф и Чэнь Шаоюй ещё накануне, учитывая обстановку, сняли свои обвинения (что не помешало, однако, Чэнь Шаоюю через несколько лет вернуться к «делу»).

Надо сказать, хотя Цзян Цзинго и значился в числе предводителей «землячества», фактически интриги вокруг этой организации его не затронули сколько-нибудь заметным образом. Ему, в отличие от других виртуальных «предводителей», сотрудники ОГПУ не učinяли допросы. Наверное, его происхождение всё-таки защищало его. Окончив с отличием Академию в июне 1930 г., он обратился к советским властям с просьбой отпустить его на родину или направить служить в Красную армию. Однако ни одна из этих просьб не была выполнена – как считал Цзян, из-за противодействия, опять-таки, китайской секции Коминтерна. Но и со стороны советской власти полноценное доверие было ему, так сказать, «не положено». В характеристике на Елизарова, составленной на третьем курсе Академии, осторожно отмечалось: «Политически развит хорошо. В партийной работе активен. В силу молодости, отсутствия практической работы и социального происхождения посылать сразу в Китай на ответственную работу не следует. Желательно послать на год на производство» [РГАСПИ, ф. 550, оп. 1, д. 10, л. 23.].

Так оно и произошло. Военная карьера Цзян Цзинго в России на этом закончилась. После двух томительных месяцев вынужденного безделья он направлен в Международную ленинскую школу (МЛШ – учебное заведение Коминтерна, предназначенное для обучения среднего и высшего кадрового состава иностранных коммунистических партий), однако в сопроводительных документах указывалось, что по постановлению Восточного секретариата ИККИ он на два года должен быть направлен на производство [Галицкий 2002, с. 79].

Цзян совершил ознакомительную поездку на Украину и в Закавказье, перенёс тяжёлую болезнь. В МЛШ он впервые,

кажется, получил отрицательную характеристику: «Не понимает действительность положения киткомпартии и китайской революции, не может оказать помощи руководителю в практическом руководстве по проведению лозунга “национализация” в жизнь» [РГАСПИ, ф. 531, оп. 1, д. 21, л. 19] (цит. по [Спичак 2012, с. 157])⁷.

А затем его судьба превратилась в цепь неожиданных и крутых перемен, ограниченных, однако, более или менее низкими должностями на различных производствах, далёких от его квалификации и профессиональных интересов. Была ли это назначенная ему последовательная форма «партийной закалки»? Или в руководящих инстанциях просто не было ясности насчёт того, что делать с молодым иностранцем – обладателем необычного политического статуса, чтобы не нажить неприятностей? Отправка в провинцию на производство проштрафившегося студента, получившего, скажем, много критических замечаний в ходе партийной чистки, с тем чтобы там он поднабрался от рабочих идеологического здоровья, не была экзотикой в практике коминтерновских школ.

В октябре 1930 г. он был послан на завод «Динамо» учеником слесаря с крохотной зарплатой, недостаточной даже для пропитания, и вынужден был подрабатывать на стороне. В 1931 г. его направили в расположенную между Москвой и Рязанью деревню Большое Жоково, где, согласно выданной ему характеристике, в качестве уполномоченного от РК ВКП(б) в течение трёх месяцев во время осенне-посевной и хлебозаготовочной кампаний «вполне самостоятельно осуществлял на месте партийное руководство над сельсоветами и 4-мя правлениями колхозов» [Галицкий 2002, с. 94].

И на заводе, и в деревне Елизарову удавалось умелым и честным трудом завоевать доверие окружающих и укрепить своё положение. В октябре 1932 г. Елизарову пришло распоряжение вернуться из деревни в Москву, а в 1933 г. он попал в качестве рабочего на золотые прииски на Алтае, где провёл в изнурительном труде и лишениях девять тяжелейших месяцев. Это было уже чем-то

⁷ Речь, вероятно, идёт о курсе на национализацию банков и предприятий иностранных государств, проводившемся в это время в контролируемых коммунистами советских районах Китая.

вроде ссылки, из которой, однако, он смог досрочно вернуться благодаря образцовому поведению и трудовым успехам. Только после того, как в 1933 г. Елизаров поступил на Уральский завод тяжёлого машиностроения в Свердловске, жизнь его постепенно стала налаживаться. Так писал Цзян в своей автобиографии 1937 г., объясняя эти перипетии, раз за разом понижавшие его социальный статус, враждебным отношением к себе со стороны представителей КПК в Коминтерне, с которыми не мог не считаться ЦК ВКП(б)⁸. Впрочем, вряд ли этот источник следует считать объективным, так как его очевидной целью было оправдаться за свои коммунистические взгляды перед отцом и его новыми союзниками.

В автобиографии, которую Цзян написал в 1936 г. при приёме в партию и которая ещё в меньшей степени является объективной, так как писалась для советских властей, вся цепь событий выглядит несколько по-иному:

После окончания академии Коминтерн посылает меня для работы на завод рядовым рабочим, для того чтобы я получил пролетарскую закалку, которая необходима была для моего дальнейшего воспитания. Я пошёл работать на завод с большим желанием. После годичной работы на заводе я написал заявление в Коминтерн с просьбой послать меня работать в колхоз. В колхозе непосредственно работал председателем и вместе с колхозниками выполнял полевую работу. Завод и колхоз являются огромной жизненной, большевистской школой для меня. Я работал на заводе и в колхозе с большим желанием и подъёмом. Я работал и учился у рабочих и колхозников, учился у руководителей партийной организации. В 1932 году по решению политсекретариата ИККИ я был послан ЦК ВКП(б) в распоряжение Уралобкома ВКП(б). Обком послал меня работать на Уралмашзавод» [ЦДОО СО, ф. 153, оп. 1, д. 120, л. 5].

Между тем Цзян не знал, что в начале 30-х годов лишь тончайшая грань отделяла его от возвращения в Китай! Москва предложила обменять его на арестованного в Шанхае советского раз-

⁸ Подробное описание этих событий см. [Цзян 1991, с. 76 и далее]. В российских архивах сведений о его работе на Алтае пока не найдено.

ведчика Я. М. Рудника (1894–1963), проживавшего там с супругой-сотрудницей под именем Хилэра Нуланса [Taylor 2000, pp. 58–59; Litten 1994]. Предложение было передано через вдову Сунь Ятсена Сун Цинлин, несомненно действовавшую по поручению Москвы. Чан посоветовался с женой. Их супружество длилось уже четыре года, но детей не было, и Сун Мэйлин стояла за то, чтобы согласиться на сделку. Однако Чан после тяжёлых раздумий отказался [Taylor 2000, p. 59]. Сделка не состоялась. Цзян Цзинго-Елизаров ещё на несколько лет остался в России.

Уралмаш, одна из крупнейших индустриальных строек первой пятилетки, служил в то время чем-то вроде места почётной ссылки, куда в ходе политической борьбы группа Сталина потихоньку с дальним прицелом убирала из столицы кадры, в той или иной мере связанные с оппозицией. Для человека, находящегося в опале, попасть на Уралмаш казалось далеко не худшим вариантом. Существует гипотеза, будто бы мысль попроситься в Свердловск на строительство нового завода Елизарову подал А. М. Горький (1868–1936), который находился в дружеских отношениях с секретарём парткома завода Л. Л. Авербахом (1903–1937), в прошлом – известным комсомольским деятелем, редактором ряда газет и журналов, одним из основателей Всероссийской ассоциации пролетарских писателей. Известно, что Елизаров был знаком с Горьким, а на Урале сблизился с Авербахом. Любопытная версия того, как Цзян Цзинго на улице познакомился с самим Горьким, содержится в воспоминаниях Цзяна [Сюй 1988, с. 46].

На Уралмаше Елизаров работал сначала заместителем начальника цеха по кадрам, а с 1934 г. – заместителем и исполняющим обязанности главного редактора заводской многотиражки «За тяжёлое машиностроение». Он оказался хорошим газетчиком. Свердловский журналист М. Банников, работавший под началом Елизарова ответственным секретарём газеты, вспоминал впоследствии: «Коля показывал себя грамотным, искусным руководителем, способным, например, диктовать “с колёс” целые статьи. Бывало, редакционное утро начиналось с того, что заглядывал к своему ответсеку, спрашивал о готовящемся номере. И если оставалась на полосе “дыра”, то успокаивал: “Ничего, я сам забью»

её». Коммунисты типографии и редакции на партсобраниях хвалили Елизарова: “По его инициативе наша газета сейчас не опаздывает, стала работать лучше”» [Зайцев 1990]⁹.

Газета «За тяжёлое машиностроение» посвящала свои страницы главным образом заводским делам, но иногда на основании присылаемых из Москвы пропагандистских материалов рассказывала о важнейших международных событиях. Елизаров писал о Китае, где революция к этому времени вступила в новый этап – советского движения, этап вооружённой борьбы коммунистов против господства Гоминьдана. Гражданская война разворачивалась в сельских районах южного и центрального Китая, куда коммунисты переместились после серии неудачных попыток поднять восстания в городах.

В Екатеринбурге в редакции газеты «За тяжёлое машиностроение» нам удалось найти в старых подшивках газеты номера со статьями Елизарова на эту тему. Вот отрывок из одной его статьи, опубликованной в 1934 г.:

«С конца 1929 г. мы имеем два Китая: советский Китай, которому принадлежит будущее, и гоминьдановский Китай, отходящий в прошлое.

За короткий период советское движение стало крупным политическим фактором, миллионные массы рабочих и крестьян под руководством китайской компартии начали устанавливать советскую власть. Из отдельных сельских советов, расположенных в разбросанных районах, образовалось мощное государство – республика с общей площадью 1 848 180 кв. километров, а территория уже устойчивых советских районов составляет 681 355 кв. километров. По отношению к территории устойчивых районов территория Германии составляет 68,7 проц., Англии (без колоний) 35,5 проц., Японии – 55,9 проц.» [За тяжёлое машиностроение... 1934а].

Ещё одно из выступлений Елизарова в том же 1934 г. было посвящено седьмой годовщине Кантонской коммуны:

⁹ О жизни Цзян Цзинго-Елизарова в Свердловске см. также публикации С. Алексеева и В. Зайцева, Г. Каеты, Г. Максимова: «Уральский рабочий» от 12.10.1988, 16.12.1990, 25.05.1993.

«11 декабря 1927 года рабочие и трудящиеся города Кантона под руководством китайской коммунистической партии подняли первое знамя советов в полуколониальных странах.

В лозунгах Кантонской коммуны от имени захвативших власть рабочих и крестьян на всю страну было заявлено о гегемонии пролетариата, о советах как о форме демократической диктатуры пролетариата и крестьянства...

Кантонская коммуна пала, но пусть помнят враги, что её дело живёт и развивается. Вместо гоминьдановского Китая будет Китай советский, где будут хозяевами страны рабочие и крестьяне.

В случае войны империалистов против родины социализма – СССР китайские рабочие и крестьяне под руководством китайской компартии, со знаменем кантонской коммуны выступают все как один на защиту СССР!» [За тяжёлое машиностроение... 1934b].

Установить с достаточной точностью, что именно Цзян Цзинго думал в этот период, верил ли в то, что пишет, и до какой степени, довольно сложно. Но мы точно знаем, что он с самого начала не поддерживал сталинизм и после поражения троцкизма, вероятно, находился в процессе разочарования в советской системе в целом. Как известно из других примеров, этот процесс должен был быть долгим, и трудно сказать, на каком его этапе он дошёл до логического конца и Цзян стал выполнять некоторые правила игры просто для того, чтобы не быть арестованным. Как будет показано нами ниже, положительные оценки по крайней мере некоторых аспектов советской системы сохранялись у него уже после того, как он возвратился в Китай.

Как ни загружен был Елизаров делами в газете, его, обладателя незаурядного темперамента, хватало и на большую общественную работу. Его фамилия часто встречается в протоколах партсобраний того времени: то он делает доклад об организации охраны огородов, то говорит о выплате рабочим задержанной зарплаты, то выступает в прениях по вопросу о чистке в партии. При этом стилистика его выступлений вполне соответствует моменту. Он говорит резко и безапелляционно, кругом видит врагов и вредителей: «Коммунист Бабин опоздал на 20 минут, Павлов после пьянства

не вышел на работу. Лебедев сломал станок и скрыл это... Классовый враг действует в наших рядах!» «Наш инженерно-технический персонал стоит в стороне от политической работы цеха. Товарищ Молотов сказал, что не может быть инженеров и техников, которые не участвуют в политической и общественной жизни. А наши инженерно-технические работники собраний не посещают! Надо с этим решительно бороться!» Но выступал он и более практично: критиковал то, что «плохо организован быт рабочих», или предлагал создать добровольную дружину для охраны огородов, «а то картошку с них уже всю почти выкопали» [Джапаков 2002].

Не без влияния, вероятно, Л. Л. Авербаха, который в своё время был ответственным секретарём главной редакции многотомного издания «Истории заводов и фабрик», Елизаров взялся за написание истории Уралмашзавода и к моменту отъезда в Китай успел, как будто бы, много написать и даже подготовить к печати. К сожалению, найти эти материалы не удалось. В свободное время Николай охотно ездил с товарищами за город отдыхать, участвовал в вечеринках, где, по воспоминаниям товарищей, развеселившись, исполнял кавказские танцы с ножом в зубах и пел русские песни. Побывал с женой на черноморском курорте по путёвке, выданной заводом.

Трудолюбивый, умный, энергичный, общительный – таким помнят Елизарова те, кто был с ним знаком. Вдобавок он был образованным человеком, и уже одно это вызывало уважение к нему среди массы малограмотных людей, прибывших на строительство «завода заводов», а затем трудившихся в его цехах. М. С. Анискина, в прошлом учётчица в одном из цехов Уралмаша, муж которой Ф. П. Анискин, будучи комсоргом цеха, познакомил Цзяна с его будущей женой и семья которой потом дружила с его семьёй, в 1990 г. с восхищением рассказывала одному из авторов этих строк о том, какой популярностью пользовались лекции Елизарова о международном положении, каким он был простым и приветливым в обращении.

На заводе Николай познакомился с токарем Фаиной Ипатьевой Вахревой (1916–2004). Она была, по воспоминаниям знавших её людей, «девочка очень скромная, умная, все к ней хорошо отно-

сились». Фаина была сиротой. Она только что окончила ремесленное училище и жила вдвоём со старшей сестрой. «Фаина лучше всех понимала моё положение, в трудные моменты проявляла сочувствие и протягивала руку помощи», – вспоминал впоследствии Елизаров-Цзян Цзинго. В марте 1935 г. Фаина и Николай поженились, а в декабре у них родился первенец – сын Алан (Цзян Сяовэнь 蔣孝文, 1935–1989). В сентябре 1935 г. на закрытом партсобрании типографии и редакции газеты «За тяжёлое машиностроение» принимается решение об утверждении акта проверки кандидата в члены ВКП(б) Елизарова [Джапаков 2002]. Окружённый всеобщим уважением и доброжелательностью, Елизаров в ноябре 1936 г. подал заявление о приёме в партию, в котором написал: «...Мой отец Чан Кайши является изменником и предателем великой китайской революции и в настоящее время глава китайской чёрной реакции. С первого момента его измены я вёл борьбу против него...». В декабре он был принят в ВКП(б) [Джапаков 2002].

Однако то была лишь одна, доступная взглядам окружающих сторона жизни Елизарова. Помимо неё, существовала, судя по всему, и другая, невидимая сторона, доставлявшая ему тяжелейшие переживания. В 1934 г., пишет Цзян Цзинго в своих мемуарах, начальник Уральского управления НКВД вызвал его в свою канцелярию: «Китайское правительство требует Вашего возвращения... Вы должны написать заявление в Министерство иностранных дел о том, что не желаете возвращаться». Спустя несколько дней начальник управления «сообщил мне, что один из секретарей китайского посольства желает побеседовать со мной, и потребовал, чтобы я затем изложил ему содержание беседы. Вскоре беседа состоялась. Кроме секретаря, в ней участвовали ещё двое, один из которых, китаец, сидел в соседней комнате. Конечно же, я не посмел выказать своё желание вернуться на родину» [Цзян 1991, с. 84].

То, что этот эпизод действительно имел место, косвенно подтверждается воспоминаниями, которыми поделился с одним из авторов бывший коллега Елизарова по газете А. П. Панфилов (1912–1996). По его словам, в те годы по редакционным комнатам ходила такая история: «К Николаю приезжали посыльные от отца. Зашли к нему в кабинет. О чём разговаривали, Николай не расска-

зывал, но шила в мешке не утаишь, мы всё равно узнали. Они всячески уговаривали его вернуться, а тот отказался наотрез, накричал на них. Они говорят: напишите письменный отказ – как доказательство, что мы у Вас были. Что ж, он и написал – вроде бы даже что-то очень резкое» [Беседа А. Г. Ларина... 1990а].

Цзян Цзинго написал письмо матери, которое в феврале 1936 г. было опубликовано в «Ленинградской правде» и в сокращённом виде перепечатано в ряде изданий, в том числе за рубежом [Denny 1936, p. 12]. В нём он писал, что обрёл своё счастье в борьбе за счастье всего человечества, что он будет смело идти дорогой китайской революции. Он объяснял матери, какие замечательные люди коммунисты, вновь резко критиковал действия отца, обвиняя его заодно в грубом обращении с женой. Называл СССР своим отечеством и призывал к борьбе за независимость Китая, за создание советской власти в Китае. В конце он писал, что будет очень рад встретиться с матерью в любой стране, если она сможет выехать из Китая.

Это письмо, в котором сын обращается к родной матери, малограмотной женщине, на казённом языке газетных передовиц, производит странное впечатление: трудно отделаться от мысли, что оно составлено под чужую диктовку. В дневнике же Цзян Цзинго рассказывает, как ему «выкручивали руки» сотрудники Коминтерна, добиваясь, чтобы он подписал подготовленный ими текст. «На четвёртый день я не выдержал давления и согласился подписать черновик при условии, что добавлю от себя фразу: “Если вы хотите повидаться со мной, приезжайте в Западную Европу, там мы сможем встретиться”. Я рассуждал так: если мои родственники пришлют мне письмо, в котором позовут меня в Европу, то я смогу воспользоваться им, чтобы покинуть СССР» [Цзян 1991, с. 84].

Но встреча в Европе не состоялась. В последующие 1936–1938 гг. атмосфера всеобщей подозрительности и выискивания врагов в СССР накалилась до предела. Страну накрыла широкая волна репрессий. Никто не чувствовал себя в безопасности. О том, чтобы выпустить Елизарова в Европу, не могло быть и речи.

В это время китайская делегация и некоторые преподаватели китайских школ Коминтерна энергично действовали в уни-

сон с общесоюзной репрессивной кампанией и не упускали из поля зрения своих бывших студентов, в какой бы точке страны они ни находились. Ещё в 1931 г. в Москву вернулся Чэнь Шаоюй, теперь в новом статусе – члена Политбюро ЦК КПК и главы делегации КПК в Коминтерне – и с новым псевдонимом Ван Мин. Он вновь вытащил на свет свой любимый козырь – дело «землячества Цзян-Чжэ» – и как его продолжение представил вниманию ИККИ и органов НКВД новый плод своих политических спекуляций – «шпионскую группу Чугунова»¹⁰. В «шпионской группе» значился и Цзян Цзинго. Под настойчивым давлением Ван Мина Чжоу Давэнь и ещё три китайских товарища, работавшие на Дальнем Востоке, в 1937 г. были арестованы, а в 1938–1939 гг. казнены.

В водоворот событий в Свердловске оказались вовлечены близкие к Елизарову люди. Главной мишенью кампании на Урал-маше стал его приятель Е. В. Цетлин (1898–1937), заведующий бюро технического обслуживания, а прежде – председатель ЦК РКСМ, заведующий секретариатом Н. И. Бухарина. Пострадал и Авербах, ставший к тому времени секретарём райкома [За тяжёлое машиностроение... 1937b].-Вскоре оба были арестованы и расстреляны. Между тем Авербах был не только товарищем Елизарова, но и дал ему рекомендацию для вступления в партию.

Тут же обнаружилось, что газета «За тяжёлое машиностроение» «не развернула должным образом освещения методов предательской контрреволюционной работы Цетлина», и 5 января 1937 г. бюро райкома постановило: «Освободить временно исполняющего обязанности редактора газеты тов. Елизарова от занимаемой должности» [За тяжёлое машиностроение... 1937a]. Он был переведён на должность заместителя заведующего организационным отделом горкома. Но на районной партконференции 7–11 февраля уже зазвучали слова о связи Елизарова с троцкистами [Джапаков 2002].

Это грозило арестом. Однако его поддержало партийное руководство области и города: первый секретарь обкома ВКП(б)

¹⁰ Владимир Васильевич Чугунов – русское имя Чжоу Давэня (周大文, 1903–1938), главного редактора китаеязычной газеты «Гунжэньчжилу» (Рабочий путь) в Хабаровске, ранее – председателя Всекитайского студенческого союза.

И. Д. Кабаков (1891–1937), уже разжалованный к тому времени из 1-го во 2-е секретари Свердловского горкома М. В. Кузнецов (1900–1937) и заведующий отделом партийных кадров горкома И. А. Кормилов (1899–1938) [Агеев, Иглин 1989].

Все трое через несколько месяцев были арестованы и расстреляны. Помогали ли они Цзяну из дружеских чувств или по указанию из Москвы, сказать сложно. Возможно, в Москве относительно Цзяна уже имелись иные планы, чем в отношении его партийных руководителей.

К счастью для Цзян Цзинго, в этот момент произошли крупные перемены в международных отношениях на Дальнем Востоке. Ввиду угрозы японской агрессии отношения между правительствами СССР и Китая стали опять налаживаться, при активном содействии Советского Союза Гоминьдан и китайская компартия вновь пошли на сотрудничество. В этих условиях возымели своё действие и просьбы Елизарова-Цзян Цзинго о направлении в Китай, и усилия Чан Кайши, добивавшегося возвращения сына на родину.

Решение отпустить Елизарова-Цзян Цзинго на родину принималось на высшем уровне. 3 марта 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) без голосования постановило: «Не возражать против поездки в Китай сына Чан Кайши, если он сам на это согласен» [АПРФ, ф. 3, оп. 68, д. 146, л. 15].

М. С. Аникеева рассказывала: «Как-то Николай поехал в Москву – сказал, его вызывает ЦК. Он и раньше туда часто ездил, привозил нам, бывало, гостинцы. На этот раз вернулся и говорит: “Давайте прощаться. ЦК посылает меня в Китай с заданием: вернуть отца в нашу сторону”. И уехал со всей семьёй. А потом пришла телеграмма, и мы по этой телеграмме встретили Елизаровых на вокзале, повидались последний раз, когда они ехали в Китай» [Беседа А. Г. Ларина... 1990b]. Это было в марте 1937 г. Через месяц Цзян Цзинго должно было исполниться двадцать семь лет.

В апреле 1937 г. он покинул СССР, отправившись в Китай на теплоходе из Владивостока. Совершенно неясно, как бы сложилась его судьба, если бы он этого не сделал. Уже в июле 1937 г. неким Сухим на него был написан личный донос в Свердловский

горком, в котором перечислялись всевозможные грехи: связи с Авербахом, Цетлиным и другими подозрительными деятелями, беседы с иностранными корреспондентами, создание контрреволюционной организации и даже пьянство [ЦДОО СО, ф. 161, оп. 6, д. 322, л. 6]. К чему нужно было писать всё это про человека, уже бывшего за границей, не совсем понятно. Возможно, автор об этом не знал.

Интересно, что и сам Цзян Цзинго-Елизаров уже по пути на родину отправил из Владивостока письмо в родную газету, обращая её внимание на то, что у директора завода Л. С. Владимиров (1895–1938) брат арестован как троцкист [ЦДОО СО, ф. 153, оп. 1, д. 120, л. 143–145]. Такие доносы в то время часто вели к репрессиям. Владимиров, крупный организатор производства, был арестован в сентябре 1937 г. и в январе следующего года расстрелян. Чем объясняется этот поступок Цзян Цзинго, уже находившегося неподалёку от границы, сказать сложно. Возможно, это было одним из условий его отъезда, поставленных органами, искавших подхода к Владимирову. Мог он и специально мстить Владимирову за то, что тот был одним из активных участников кампании критики Цзяна в феврале, что могло привести к его аресту. А может быть, он хотел продемонстрировать свою лояльность для того, чтобы его выезду не стали препятствовать в последний момент. Так или иначе, этот эпизод многое говорит о людях и обстановке в СССР в то время, как и о самом Цзян Цзинго.

Впоследствии Цзян Цзинго называл годы, прожитые им в СССР, «самым тяжёлым периодом своей жизни». Вероятно, так оно и было. Но едва ли можно согласиться с утверждениями тайваньских авторов, будто бы «двенадцать лет, проведённых им в России, остались без всякой награды, если не считать того, что он нашёл там жену и узнал неприглядную правду о коммунизме» [Free China Review... 1978, p. 12]. Действительно, орденов Елизаров не получал, хотя был премирован часами как «проделавший огромную работу на развёртывании конкретного соцсоревнования в самом крупном цехе завода». А «за организацию первой штурмовой коммунистической бригады, созданной для ликвидации прорыва», имя Елизарова было занесено в Красную книгу ударников

[Ефимова 1982, с. 63]. Но дело даже не в этом. Он получил в СССР основательное образование, овладел несколькими специальностями, приобрёл опыт руководства, пусть и скромный, – разве всё это ничего не стоит?

Что же касается «познания правды о коммунизме», то тут не всё так просто. Противоречивость и неполнота материалов, имеющих в нашем распоряжении, субъективность любых мемуарных источников не позволяют однозначно судить, насколько глубоким и скорым было разочарование Елизарова в идеях коммунизма. В СССР в период его становления, подъёма, а потом застоя и упадка имели место и безусловная преданность социализму, и его полное отрицание, и различные промежуточные варианты, когда теневые стороны действительности подвергались более или менее глубокому анализу, более или менее резкому осуждению, но в любом случае рассматривались как временные, случайные, а может быть, и неизбежные отклонения от благородных, а потому неоспоримых идеалов коммунизма в процессе их осуществления. Российская интеллигенция накопила немалый опыт выработки взглядов подобного рода – разнообразных версий «критической веры» в марксистско-ленинско-сталинскую теорию построения светлого социалистического сегодня и ещё более светлого коммунистического завтра.

Возможно, Елизаров во время жизни в СССР в конце концов пошёл дальше в отрицании коммунистических идей. В любом случае следует, видимо, признать, что испытания, выпавшие на его долю, вкупе с тем негативным, что он мог наблюдать с близкого расстояния, остудили его юношеский романтический энтузиазм, побудили к критическим раздумьям, а впоследствии способствовали эволюции в сторону антикоммунизма.

Интересным вопросом остаётся, как именно повлияла жизнь в СССР на взгляды Цзян Цзинго и его дальнейшую деятельность в Китае. Вопрос этот непростой не только потому, что по этой теме трудно найти достоверные источники, но и из-за того, что нелегко выяснить, что именно нового узнал он в СССР. Ведь судьбы российских и китайских революционеров и их идеи были так переплетены, что ситуация в СССР была известна многим китайцам, хотя,

вероятно, и не так хорошо, как Цзяну, проведенному там более десятилетия и видевшему самую адскую эпоху сталинского террора.

Очевидные свидетельства влияния жизни в СССР на дальнейшую деятельность Цзяна уже описаны. Например, стиль его докладов о политической работе или выполнении планов развития или заголовки статей, которые ничем не отличались от советских: «Партия – душа революционной армии», «В борьбе, жертвуя собой, выполним трёхлетний план» и т. п. [Цзян 1981]. По содержанию они тоже мало отличались от его же статей в советских газетах (за исключением, конечно, смены партии) [Ларин 1994, с. 142–143]. Другой пример: организация Цзяном системы политкомиссаров в армии и политической учёбы военных кадров в период его пребывания в должности начальника Главного политического управления Министерства обороны, на которую он был назначен в 1950 г. [Taylor 2000, p. 194–195]. Однако здесь надо иметь в виду, что Цзян внедрял советский опыт не на пустом месте. Гомиьндан в целом с 1923 г. строился по образцу коммунистической партии, многие его члены так же, как и Цзян, учились в СССР. Цзян мог заимствовать какие-то элементы с большим знанием дела, но в целом и без него Гомиьндан, его оргструктура и методы работы долгое время сильно походили на коммунистические. Даже обращались члены партии друг к другу так же, как и коммунисты: «товарищ» (*тунчжи* 同志).

Различия с коммунистами, конечно, были, но они, скорее, относились к программе, к целям, хотя и здесь первоначально было много общего. И здесь в более общем плане встаёт несколько вопросов. Например, связан ли как-то опыт жизни Цзян Цзинго в СССР с тем, что именно он начал демократизацию на Тайване. С одной стороны, известно, что Тайвань, особенно после захвата материковой части коммунистами, стал позиционировать себя как «Свободный Китай», где лишь временно, в соответствии с учением д-ра Сунь Ятсена, введено военное положение. Но почему именно Цзян Цзинго отменил его и разрешил реальную многопартийность? Конечно, важнейшую роль здесь сыграли внутренние обстоятельства и давление Запада, в особенности США. С другой стороны, можно вспомнить, что одним из лозунгов троцкистов

была внутрипартийная демократия, к которой они начали призывать, оказавшись в оппозиции. Конечно, они не выступали за демократизацию в западном смысле, партийная демократия – это лишь разрешение дискуссий внутри партии. Но в то же время именно идеи Троцкого с его критикой сталинской «диктатуры секретариата» стали исходной точкой возникшей внутри коммунистического движения теории нового правящего класса в коммунистических странах, впервые выдвинутой югославским коммунистом М. Джиласом (1911–1995), а от неё – к коммунистическим реформаторам: еврокоммунистам в западной Европе, а в советском блоке – к «Пражской весне» и, в конечном счёте, горбачевским гласности и перестройке. В этом направлении развивались идеи многих советских реформаторов коммунизма. Конечно, тайваньская интеллектуальная история отличалась от советской, однако вполне вероятно, что многие подходы Цзян Цзинго, в особенности после того, как он близко, на собственном опыте увидел в СССР результаты господства сталинского «нового класса», развивались сходным образом. Однако когда именно Цзян окончательно стал антикоммунистом, сказать сложно. После отъезда из СССР он утверждал, что он был им чуть ли ни с самого начала.

В 1955 г. в беседе с американским журналистом Р. Мартином он говорил: «Я был настроен антикоммунистически ещё в России. Поэтому меня и направили в Сибирь и на Урал. Я не был там свободен. Сталин не разрешал мне вернуться в Китай до восстановления отношений между Россией и Китаем. Я посвятил себя делу уничтожения коммунизма» [Галицкий 2002, с. 81]. Однако даже здесь он не говорит, когда именно в России он стал антикоммунистом. Кроме того, следует иметь в виду, что быть троцкистом и антикоммунистом – совсем не одно и то же. Цзяна действительно могли отправить из Москвы как бывшего троцкиста в связи с отсутствием доверия, но это не значит, что он к тому времени уже разочаровался в коммунизме в целом.

Многочисленные свидетельства очевидцев говорят о том, что коммунизм, по крайней мере в его троцкистском варианте, он воспринимал всерьёз. Даже уже в 1947 г. в письме его жены сестре – А. И. Вахревой (1899–1976), – написанном из Китая, сооб-

щается, что они с мужем и ещё несколькими друзьями, учившимися в СССР, собираются встречать 30-ю годовщину Октябрьской революции и «выпивать за вас и за процветание Родины» [Галицкий 2002, с 156]. Конечно, подобные слова могли писаться для того, чтобы письмо дошло (большинство из них конфисковывались советскими властями и не доходили до адресата) или чтобы у получателя не было проблем. Но, возможно, Цзян тогда всё ещё считал революцию 1917 г. позитивным событием. Второй интересный вопрос – это истоки создания на Тайване рыночной экономики. Как известно, общественный идеал, к достижению которого первоначально стремился Чан Кайши, основываясь на идеях Сунь Ятсена, теоретики Гоминьдана называли обществом *да-тун* 大同 («великое единение»). В этом идеальном обществе, названном термином классической китайской философии, вся ответственность должна быть обобществлена, преодолены различия между богатыми и бедными, а труд должен служить всему обществу, а не являться трудом ради заработной платы. Тогда будет осуществлён принцип «народного благоденствия» (*миньшэньчжун* 民生主義) – третий из трёх принципов Сунь Ятсена: национализм (*миньцзучжун* 民族主義), народное правление (*миньцюаньчжун* 民權主義) и народное благоденствие.

В период антияпонской и гражданской войн, используя чрезвычайную ситуацию, Чан Кайши пытался приблизиться к этому идеалу, постоянно увеличивая долю государственной собственности и роль государства в экономике [Меликсетов 1977, с. 202–212]. После поражения на материке и отхода на Тайвань, под давлением американцев и собственных экономистов, считавших, что этот курс был одной из причин недовольства населения, не поддержавшего Гоминьдан, Чан начал увеличивать роль частного сектора, при этом сохраняя контроль государства над ведущими секторами экономики, индикативное планирование и значительную роль государственных инвестиций в перспективные отрасли. Для обоснования этой политики он выдвинул концепцию общества *сяо-кан* 小康 (среднего достатка¹¹) как первого шага к дости-

¹¹ Букв. «малого благополучия». – Ред.

жению общества *да-тун*. На этапе *сяо-кан* частная собственность объявлялась приемлемой и даже полезной, «товары производятся ради прибыли, а люди трудятся ради получения заработной платы» [Чан, 1954].

С теорией *сяо-кан* (термин также позаимствован из классической философии), Чан Кайши выступил уже в начале 50-х гг. [Меликсетов 1977, с. 236–237]. С конца 60-х гг., будучи премьером, а затем президентом, Цзян Цзинго активно проводил её в жизнь, сохраняя значительную роль государства и при этом развивая частное предпринимательство. Об этом он говорил, например, в административном отчёте премьера четвёртому пленуму ЦИК Гоминдана в 1973 г., где он заявил, что отстаиваемая им экономическая система основывается на свободном предпринимательстве, но при этом согласуется с идеалами общества Великого единения [Free China Weekly... 1973, p. 4–5]. Именно под его руководством, по официальному признанию, в 70-е гг. правительство осуществило так называемые «Десять крупных строительных проектов» («Ши да цзяньшэ» 十大建設) и «Двенадцать планов строительства» («Ши-эр сянь цзяньшэ цзихуа» 十二項建設計畫), успех которых, согласно официальному президентскому сайту, «внёс вклад в быстрое экономическое развитие, социальную стабильность и благосостояние страны, подготовив почву для осуществления экономического рывка» [Синсяньхоу...].

Интересно, что с самого начала экономических реформ на материке тот же термин *сяо-кан*, естественно без ссылок на Чан Кайши, стал использовать лидер китайских коммунистов Дэн Сяопин, который учился в УТК в одно время с Цзян Цзинго и хорошо знал его. Дэн Сяопин, конечно, не мог не быть знаком с гоминьдановскими теориями. Логичнее предположить, что он хорошо изучил опыт реформ на Тайване и использовал их, в том числе и в плане терминологии. Но об обратном влиянии Гоминьдана на коммунистов здесь можно говорить лишь частично. Дело в том, что вся аргументация концепции «*сяо-кан – да-тун*», введение этапа *сяо-кан* как начального этапа продвижения к *да-тун*, на котором возможны элементы рыночной экономики и частного предпринимательского эгоизма, очень сильно напоминают боль-

шевистскую идею «переходного периода» к коммунизму, давшую возможность осуществить в Советской России новую экономическую политику (НЭП). Идея этого периода как раз и заключалась в осуществлении экономического рывка, сохраняя за государством «командные высоты экономики», но опираясь и на частную инициативу в сельском хозяйстве и мелкой промышленности. Целью этого рывка, с точки зрения коммунистической теории, было догнать передовые экономики мира, так как именно в передовых странах рабочие должны осуществить всемирную коммунистическую революцию. Полное схождение концепций *сяо-кан* и «переходного периода» можно наблюдать в современной идеологии китайских коммунистов, которые считают целью «начального периода строительства коммунизма», на котором разрешены частная собственность и рыночная экономика, достижение уровня среднего достатка *сяо-кан*.

Это, конечно, не означает, что Цзян Цзинго позаимствовал идею *сяо-кан* из СССР. Скорее, можно говорить о том, что попытки теоретиков Гоминьдана и КПК легитимировать рыночные реформы путём реинтерпретации понятий традиционной китайской философии были практически идентичными и на ход мысли и тех и других существенное влияние оказала ленинская концепция нэпа, хорошо известная Цзян Цзинго по опыту жизни в СССР.

Троцкизм, которым восхищался одно время Цзян Цзинго, выступал против нэпа, за быстреее огосударствление экономики и ускоренную «сверхиндустриализацию» за счёт крестьянства. Однако, оставаясь в СССР в 30-е гг., Цзян Цзинго не мог не видеть, что, расправившись с левой оппозицией, Сталин фактически взял на вооружение её экономическую программу. Видел он на собственном опыте и то, к каким катастрофическим последствиям это привело как в промышленности, так и в деревне. В Гоминьдане также многие считали, что политика огосударствления стала одной из причин отказа народа националистам в поддержке в период гражданской войны.

Критика сталинизма была возможна не только с левых, но и с правых позиций. Переход к рыночным реформам на Тайване был результатом не только давления Вашингтона, но и осмысле-

ния неудачных советских и гоминдановских попыток ускорить развитие путём огосударствления экономики. И, возможно, неслучайно многие учившиеся в СССР китайские троцкисты, вернувшись на родину, перешли на сторону Гоминьдана, Цзян Цзинго здесь отнюдь не исключение [Галицкий 2002, с. 215]. Опыт жизни в сталинском СССР вполне мог привести к пониманию того, что правый подход более продуктивен и какие-то реформы в стиле советского нэпа, но более последовательные, Тайваню необходимы. О том, что такой путь идейного развития вполне вероятен для китайских революционеров, говорит и то, что к тем же выводам в конечном счёте пришли и китайские коммунисты на материке. Конечно, точные ответы на все эти вопросы могут быть найдены только в результате дальнейших исследований.

Источники и литература

1. Агеев, Иглин 1989 – *Агеев С., Иглин А.* Так кто же он, Елизаров? // На смену! 1989. 14 янв.
2. АПРФ – Архив Президента Российской Федерации.
3. Беседа А. Г. Ларина 1990а – Беседа А. Г. Ларина с А. П. Панфиловым. Свердловск, 1990 г. Из личного архива автора.
4. Беседа А. Г. Ларина 1990б – Беседа А. Г. Ларина с Марией Семёновой Аникеевой. Свердловск, 1990 г. Из личного архива автора.
5. ВКП(б), Коминтерн... 1994 – ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1920–1925: Документы. М.: АО «Буклет», 1994.
6. Галицкий 2002 – *Галицкий В. П.* Цзян Цзинго: трагедия и триумф сына Чан Кайши. М.: РАУ – Университет, 2002.
7. Джапаков 1989 – *Джапаков А.* Уральские корни президента Тайваня // Урал. 2002. № 7. С. 77–189.
8. Ефимова 1982 – *Ефимова Т.* Уралмашевцы. Десять заводских пятилеток. Литературно-документальная летопись. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1982.
9. За тяжёлое машиностроение... 1934а – За тяжёлое машиностроение. Свердловск, 27.11.1934.
10. За тяжёлое машиностроение... 1934б – За тяжёлое машиностроение. Свердловск, 12.12.1934.

11. За тяжёлое машиностроение... 1937а – За тяжёлое машиностроение. Свердловск. 06.01.1937.
12. За тяжёлое машиностроение... 1937б – За тяжёлое машиностроение. Свердловск. 08.02.1937.
13. Зайцев 1990 – *Зайцев В.* Коля Елизаров – президент Тайваня // Вечерний Свердловск. 26.02.1990.
14. Запись беседы... 1987 – Бай Юй сяньшэн фанвэнэ цзилу 白瑜先生訪問紀錄 (Запись беседы с г-ном Бай Юем). Тайбэй: Чжунъян яньцзю яоань цзиньдай ши яньцзюсо 中央研究院近代史研究所, 1987. С. 22–25.
15. Ларин 1994 – *Ларин А. Г.* Цзян Цзинго в России // Современный Тайвань / Отв. ред. и сост. Иванов П. М. Иркутск: Улисс, 1994.
16. Ли 1989 – *Ли Дачжао.* Избранные произведения. М.: Наука, 1989.
17. Лукин 2007 – *Лукин А. В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: Восток-Запад, АСТ, 2007.
18. Маяковский 1958 – *Маяковский В. В.* Лучший стих / Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. Т. 8. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. С. 60.
19. Меликсетов 1977 – *Меликсетов А. В.* Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае: 1927–1949. М.: Наука, 1977.
20. Павлов 2001 – *Павлов И. М.* 1920-е: революция и бюрократия. Записки революционера. СПб.: XXI век, 2001.
21. Панцов 2001 – *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М.: Муравей-Гайд, 2001.
22. РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.
23. Синсяньхоу – Синсяньхоу лижэньцзунтун. Ди 6–7 Цзян цзунтун 行憲後歷任總統.第6~7任蔣總統經國先生. Президенты после введения конституционного правления. Президент господин Цзян Цзинго (6-й и 7-й сроки) // Интернет-сайт президента Китайской Республики (Тайваня). URL: <https://www.president.gov.tw/Page/85> (дата обращения: 10.05.2022).
24. Спичак 2012 – *Спичак Д. А.* Китайский авангард Кремля. Революционеры Китая в московских школах Коминтерна (1921–1939). М.: Вече. 2012.
25. Сюй 1988 – *Сюй Су 徐甦.* Цзян-Сун да цзяцзю 蔣宋大家族 (Большие кланы Цзянов и Сунов). Шэньян: Ляонин жэньминь чубаньшэ 辽宁人民出版社, 1988.

26. ЦДОО СО – Центр документации общественных организаций Свердловской области.

27. Цзян 1981 – Цзян цзунтун Цзинго сяньшэн яньлунь, чжушу, хуэйбянь 蔣總統經國先生言論著述彙編 (Речи, статьи, записки г-на президента Цзян Цзинго). Т. 1. 1940–1948, Т. 2. 1949–1952). Тайбэй: Лимин вэньхуа шиегу фэнью сянь гунсы 黎明文化事業股份有限公司, 1981.

28. Троцкий 1924 – *Троцкий Л. Д.* Перспективы и задачи на Востоке. Речь на трёхлетнем юбилее Коммунистического Университета Трудящихся Востока 21 апреля 1924 г. / Троцкий Л. Д. Запад и Восток. Вопросы мировой политики и мировой революции. М.: Красная новь, 1924.

29. Цзян 1991 – *Цзян Цзинго* 蔣經國. Во цзай Суляньдэ жицзы 我在蘇聯的日子 (Мои дни в Советском Союзе) / Цзян Цзинго сяньшэн цюаньцзи. И цюань 蔣經國先生全集.一卷 (Полное собрание сочинений Цзян Цзинго. Т. 1). Тайбэй, Синчжэн юаньсинь вэньцзюй 行政院新聞局, 1991.

30. Чан 1954 – *Чан Кайши* / *Цзян Цзеши* 蔣介石. Миньшэн чжуи юйлэ лян пянь бушу 民主主義育樂兩篇補述 (Дополнительное описание двух разделов принципа народного благоденствия – образовании и отдых) / Цзунтун Цзян гунсы сяньлунь цзунцзи 總統蔣公思想言論總集 (Сборник высказываний господина президента Чана [в области] мысли), 1954 // Интернет-сайт Китайского образовательного фонда. URL: http://www.ccfed.org.tw/ccef001/index.php?option=com_content&view=article&id=535:0002-4&catid=110&Itemid=256 (дата обращения 10.05.2022).

31. Шевелёв 2000 – *Шевелёв К. В.* К вопросу об отражении китайской тематики в «Биографическом справочнике Коминтерна» // Научно-информационный бюллетень Российской государственной архив социально-политической истории. 2000. № 2 (12) (специальный).

32. Шэн 2009 – *Шэн Юэ.* Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания / Пер. с англ. Л. И. Головачёвой и В. Ц. Головачёва. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2009.

33. Юй 1998 – *Юй Миньлин* 余敏玲. Эго даньаньчжундэ лю Су сюэшэн Цзян Цзинго 俄國檔案中的留蘇學生蔣經國 (Цзян Цзинго – студент в СССР. По [материалам] российских архивов) // Цзиньдай ши янцзюсо цзикань 近代史研究所集刊 (Сборник Института Новой истории). Июнь 1998. № 29.

34. Юркевич 2013 – *Юркевич А. Г.* Москва – Кантон, 1920-е. Помощь СССР Гоминьдану и две стратегии объединения Китая. М.: Вариант, 2013.

35. Cline 1989 – *Cline Ray S.* Chiang Ching-Kuo Remembered: The Man and His Political Legacy. Washington, D.C.: United States Global Strategy Council, 1989.

36. Denny 1936 – *Denny H.* Son Repudiates Chiang Kai-Shek // The New York Times. February 12, 1936.
37. Free China Review – Free China Review. 1978. Vol. 28. № 5. P. 12.
38. Free China Weekly – Free China Weekly. 1973. № 45. P. 4–5.
39. Litten 1994 – *Litten Frederick S.* The Noulens Affair // The China Quarterly. June 1994. Vol. 138. P. 492–512.
40. Taylor 2000 – *Taylor J.* The Generalissimo's Son: Chiang Ching-kuo and the Revolutions in China and Taiwan. Cambridge, MA.: Harvard University Press, 2000.
41. Yu 1995 – *Yu Min-ling L.* Sun Yat-sen University in Moscow: 1935–1930. Department of History, New York University. January 1995. Unpublished manuscript.